

Особая тройка НКВД Грузинской ССР (1937-1938)

Местная специфика и механизм функционирования

Георгий Мамулия

1. Историческая прелюдия

Для того чтобы по возможности полно осветить специфику функционирования особой тройки НКВД ГССР в 1937-1938 гг., – главной карательной структуры республики в годы великого террора, – следует вкратце коснуться истории взаимоотношения коммунистической партии Грузии, также как и грузинских большевиков в целом, со сталинским руководством СССР.

Как известно, первый конфликт Сталина с грузинскими коммунистами разразился еще в августе 1922 г., год спустя после оккупации и советизации Грузии Красной армией в феврале-марте 1921 г. В это время Сталин составил проект внутреннего устройства СССР, предусматривающий «формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в состав РСФСР»¹. Эта формулировка вызвала резко отрицательную реакцию грузинских коммунистов, не желавших поступиться властью в советизированной ими с помощью Красной армии республике. Опасавшийся разногласий Ленин, до конца 1923 г. всерьез рассчитывавший к тому же на советизацию Германии, которая, в силу географических причин не могла войти в состав РСФСР, а так же подъем революционного движения в Азии, поддержал позицию грузинских коммунистов. В итоге, формулировка Сталина была изменена на «формальное объединение вместе с РСФСР в Союз Советских Республик Европы и Азии»².

Тем не менее, Сталину удалось взять реванш за свою уступку в другом отношении. Национальные коммунистические партии остались автономными образованиями в составе ВКП(б), а сама советская Грузия, хотя и сохранила союзный статус, вошла в состав СССР не непосредственно, а через т. н. Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (ЗСФСР), включавшую в своей состав также Армению и Азербайджан. Целью этого регионального объединения, управлявшегося Закавказским бюро РКП(б) во главе с Серго Орджоникидзе, главным инициатором большевистской оккупации

¹ А. В. Шубин. *Вожди и заговорщики*. Москва: «Вече», 2004, с. 23.

² Там же, с. 24.

Кавказа, и, наряду с этим, одним из наиболее ближайших соратников Сталина и его централистской политики, было осуществление жесткого контроля над советскими республиками Закавказья.

Это вызвало резкие протесты старых грузинских большевиков, во главе которых стоял Буду (Поликарп) Мдивани, в то время председатель Ревкома Грузии и председатель Союзного совета Закавказья. Конфликт достиг своего зенита 19 октября 1922 г., во время заседания бюро Тифлисского горкома, где члены ЦК компартии Грузии выступили против Орджоникидзе. На следующий день он снял своих оппонентов с их постов, а 22 октября, после того как Орджоникидзе ударил в лицо А. Кобахидзе, члена ЦК КП(б) Грузии, в ходе спора назвавшего его «сталинским ишаком», большинство членов грузинского ЦК в знак протеста подало в отставку³. В результате этого, Сталину и Орджоникидзе удалось избавиться от своих оппонентов. 25 января 1923 г., всесоюзное политбюро утвердило смену состава ЦК компартии Грузии, а также руководителей советских учреждений республики, «как вызванную обстановкой на Кавказе и ходом борьбы в грузинской партии»⁴.

В сущности, дело шло о почетной ссылке из Грузии на работу в Россию К. Цинцадзе, Б. Мдивани, С. Кавтарадзе и Ф. Махарадзе. С целью сгладить противоречия, в решении оргбюро, принятом по этому поводу еще 21 декабря 1922 г., отмечалось, что «смена эта ни в каком смысле не лишает доверия в глазах ЦК тех товарищей, которые вышли в отставку с ответственных постов в Грузии»⁵.

В марте 1923 г. уже больной Ленин, полагая, что «конфликт между группой Мдивани и Закавказским крайкомом РКП(б) распатывал только что созданный Союз Республик», попросил Л. Троцкого «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии», однако тот уклонился от выполнения этой просьбы, опасаясь конфликта со Сталиным. Узнав об отказе Троцкого Ленин продиктовал последнее в своей жизни письмо, направленное Б. Мдивани, Ф. Махарадзе и др.: «Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь»⁶.

Хотя, как мы уже отмечали, несмотря на просьбу Ленина Троцкий так и не поддержал группу Мдивани, Сталин, так и не забыв этого эпизода, прилепил как самому Мдивани, так и другим членам его группы клеймо троцкистов. Именно по этому обвинению Мдивани и другие его соратники будут осуждены особой тройкой НКВД в 1937 г.

³ Там же, с. 26.

⁴ *Большевистское руководство. Переписка. 1921-1927.* Серия «Документы советской истории», Москва: РОССПЭН, 1996, с. 271. Прим. № 3.

⁵ Там же.

⁶ Д. Волкогонов. *Ленин. Политический портрет.* Москва: Новости, 1994, кн. II, с. 341.

Следующей группой грузинских коммунистов, впавших впоследствии в немилость Сталина, и, следовательно, также оказавшихся в числе жертв особой тройки 1937-1938 гг., были старые грузинские большевики, сгруппировавшиеся вокруг С. Орджоникидзе. Избавившись от группы Мдивани, эти люди, по сути дела, в 1923-1930 гг. получили полную монополию на власть в республике, которую они, фактически, считали своей наследственной вотчиной. Следует отметить, что в отличие от своих русских коллег, грузинские большевики того периода проявляли в целом более либеральный подход в отношении представителей дореволюционного правящего класса. Этот факт не остался незамеченным и редкими иностранными наблюдателями, посетившими в этот период Закавказье. Например, итальянский дипломат Пьетро Кварони, посетивший в 1926 г. Грузию, описывает Шалва Элиава, председателя Совета министров Грузинской ССР как «бонвивана, [...] вероятно более падкого на вино, хорошую еду и т.д., чем на марксистскую диалектику. Однажды, обедая со мной в компании своих коллег по правительству и целого ряда представителей старой грузинской аристократии, я воспользовался его превосходным настроением для того, чтобы выразить с моей стороны удивление и удовлетворение относительно этого счастливого сплава старого и нового мира, который можно было наблюдать в Грузии.

– Но это вполне естественно, – ответил он мне. – Видите ли, когда мне случалось, во время царского режима иметь проблемы с полицией, я шел прятаться в сельскую местность, в замке князя Х... и уж там, полиция оставляла меня в покое. То же самое делало большинство из моих товарищей. И теперь, когда мы находимся у власти, было бы нормально оказать им такую же услугу.

В России также, – возразил я, – существуют люди старого режима, защищавшие революционеров, но как мне кажется, с этим не очень-то считаются в Москве.

– О! Вы знаете, русские... Мы, грузины, в отличие от них являемся джентльменами⁷. До тех пор, пока консолидация сталинской власти находилась еще в процессе своего оформления, подобное положение дел в Закавказье не очень волновало самого Сталина. Однако к 1930 г., когда Сталину в целом удалось сконцентрировать всю власть в своих руках, он решил изъять Закавказье из под управления клана Орджоникидзе, поставив регион под более твердый и прямой контроль. Предлогом к этому стали крестьянские волнения, всколыхнувшие Кавказ во время насильственной коллективизации, проведенной по приказу Сталина. Вероятно, желая просто избавиться от клиентов Орджоникидзе, Сталин намеренно давал большевистскому руководству Закавказья

⁷ P. Quaroni. *Croquis d'ambassade*. Traduit de l'italien par L. Bonalumi, Paris: Librairie Plon, 1955, p. 87-88.

нереальные и явно завышенные планы по хлебозаготовке, которые, став причиной крестьянских волнений, дали ему повод избавиться от старых большевиков Закавказья. Наряду с этим, грузинские большевики были обвинены в склонности к интригам, некомпетентности, своеволию и т.н. «атаманщине», за что, наряду с прочим, нес ответственность и Орджоникидзе, хотя он, будучи переведенным на работу в центр с 1926 г., формально не имел прямого отношения к Закавказской Федерации.

26 августа 1931 г. Сталин отправил письмо Л. Кагановичу, в котором, описывая свои личные впечатления от беседы с закавказскими руководителями, сообщал: «Склока у них невероятная, и она, видимо, не скоро у них кончиться. По моим наблюдениям затяжной характер склоки и упорство склочников объясняется, между прочим, тем, что склочники уверены в безнаказанности своей антипартийной «работы», так как рассчитывают на то, что «в случае чего» Серго их «выручит»»⁸.

Далее, касаясь конкретных руководителей Закавказья, Сталин писал, что «самое неприятное впечатление производит Мамулия (секретарь ЦК Грузии), который, по неизвестному мне праву замещает Картвелишвили. Комическое впечатление производит предСНК Грузии Сухишвили – безнадежный балбес. Прямо удивительно, что оба эти типа рекомендованы Серго»⁹.

Эти лицемерные обвинения Сталина нашли свое полное отражение в постановлении оргбюро от 31 октября 1931 г., в котором, в частности, говорилось, что, «среди руководящих кадров как Закавказья, так и республик, имеет место беспринципная борьба отдельных лиц за влияние (элементы «атаманщины»), на почве чего подбор руководящих кадров и расстановка работников производится в ряде случаев не по партийным, деловым признакам, а по принципу примыкания к той или иной группировке»¹⁰.

В тот же день было принято решение о снятии с поста первого секретаря Закрайкома Л. Картвелишвили с назначением его вторым секретарем Западно-Сибирского крайкома. На его место был назначен Мамия Орахелашвили (судя по всему Сталину, в то время, трудно было одним махом избавиться от всех клиентов Орджоникидзе в Закавказье). Тем не менее, вторым секретарем Закавказья был назначен председатель ОГПУ Закавказья Л. Берия, который, наряду с этим, был назначен на пост первого секретаря ЦК компартии Грузии¹¹.

⁸ *Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг.* Составители О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. Федеральная архивная служба России. Российский государственный архив социально-политической истории. Москва: РОССПЭН, 2001, с. 68.

⁹ *Там же.*

¹⁰ *Там же*, с. 104, прим. № 6.

¹¹ *Там же.* С 104-105, прим. № 6.

Это решение, по сути дела продавленное Сталиным против воли всех старых большевиков Закавказья, вызвало резкую реакцию с их стороны. Особенно возмущал последних тот факт, что Берия не был не только членом, но даже кандидатом ЦК. Во всяком случае, 13 июля 1932 г., полгода спустя после его назначения на должность первого секретаря ЦК компартии Грузии, Берия сообщил Л. Кагановичу, что М. Орхелашвили, который, с формальной точки зрения был руководителем Закавказья, «продолжает быть недовольным и дует. Он даже перестал ходить на бюро ЦК»¹². Будучи опытным интриганом, четко уловившим истинные желания своего хозяина в Кремле, Берия писал, что «для создания деловой атмосферы, для выполнения тех задач, которые поставлены перед нами решениями партии и правительства, [...] нужна твердая рука, нужны решительность и четкость в работе, и больше всего в этом нуждается грузинская организация, в которой со времени ухода тов. Серго не прекращались интриги и групповая борьба»¹³.

Сталин, как и следовало ожидать, продолжал играть роль беспристрастного арбитра. В письме Кагановичу, Постышеву и самому Орджоникидзе от 20 июня он писал, что в конфликте Берия-Орахелашвили, «не прав [...] все же Орахелашвили». В очередной раз, обвинив Орахелашвили в «атаманщине» («Боюсь, что у Орахелашвили на первом плане самолюбие (расклевали «его» людей), а не интересы дела и положительной работы»¹⁴), Сталин, тем не менее, отказался удовлетворить просьбу Орахелашвили об отставке. Степень искренности Сталина можно видеть в его письме Кагановичу от 12 августа, где еще раз обвинив Орджоникидзе в кадровой предвзятости («Присматриваясь к закавказским делам, все больше убеждаюсь, что в деле подбора людей – Серго неисправимый головотяп»¹⁵), он писал, что «Орахелашвили придется освободить (он настойчиво просит об этом). Хотя Берия и не член (и даже не кандидат) ЦК, придется все же его выдвинуть на пост первого секретаря Закрайкома»¹⁶.

9 октября Орахелашвили был смещен и заменен на его посту Берией, с сохранением за последним должности первого секретаря ЦК компартии Грузии.

Уже с начала 30-х гг. наметились трещины и в личных отношениях Сталина и Орджоникидзе. Дело в том, что вынужденные покинуть Закавказье старые большевики, в большинстве своем перебравшиеся на работу в Москву, где сам Орджоникидзе руководил наркоматом тяжелой промышленности, будучи недовольными их удалением из Закавказья, не стеснялись выражать свое мнение в частных беседах, что, судя по данным документов, доходило до ушей Ста-

¹² Б. Соколов. *Берия. Судьба всесильного наркома. Досье без ретуши*. Москва: «Вече», 2003, с. 73.

¹³ Там же.

¹⁴ *Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг.*, с. 185.

¹⁵ Там же, с. 276.

¹⁶ Там же.

лина. Особенно задевал последнего тот факт, что в разговорах между собой старые большевики, жалуясь на свое отстранение от власти, обвиняли генсека в нарушении ленинских принципов руководства, а также в введении диктаторских методов управления страной. Наиболее характерным в этом отношении было дело Виссариона (Бесо) Ломинадзе, бывшего секретаря компартии Грузии и одного из приближенных Орджоникидзе, который еще в 20-х гг. перебравшись в Москву и работая в аппарате Коминтерна, отличался своими независимыми высказываниями в отношении «генеральной линии» сталинского руководства. Будучи, безусловно, сторонником Сталина, Ломинадзе, в частности, высказывал особое мнение по вопросам китайской революции, борьбы с кулачеством, предлагал создать особую организацию бедноты и т.д. Наряду с этим Ломинадзе утверждал, что в пределах «генеральной линии» партии, каждый ее член имеет право на собственную инициативу, а также осуждал свертывание самокритики. Сталин, который в это время уже требовал безусловной поддержки «генеральной линии» всесоюзного ЦК, характеризовал взгляды Ломинадзе, как требование «свободы пересмотра генеральной линии партии, свободы ослабления партдисциплины, свободы превращения партии в дискуссионный клуб»¹⁷.

В конце января 1934 г., после убийства С. Кирова, давшего непосредственный импульс, а, вернее сказать, послуживший предлогом начала кампании сталинских репрессий, завершившейся в 1937-1938 гг. большим террором, Ломинадзе, на XVII съезде партии, был вынужден вместе с Каменевым, Рыковым, Бухариным, Томском, Радеком и другими оппозиционерами осудить свою прошлую деятельность. Этого, однако, оказалось недостаточным. 16 января 1935 г. особое совещание при НКВД СССР осудило на различные сроки тюремного заключения 19 человек, проходивших по сфабрикованному Сталиным делу «правого московского центра». В тот же день был вынесен приговор и по делу т. н. «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы», в результате чего к заключению и ссылке было приговорено 77 человек. Ломинадзе понял, что ему было бы тщетно рассчитывать на прощение. 18 января Ломинадзе покончил с собой в 120 километрах от Магнитогорска, где работал в последнее время. Впрочем, этим дело не кончилось. Выбив у арестованных нужные показания, НКВД сфабриковало дело о якобы существующей в Магнитогорске контрреволюционной группе, возглавляемой Ломинадзе. Тем не менее, пока жив был Орджоникидзе, семью Ломинадзе не только не тронули, но и выплачивали его жене пенсию «за революционные заслуги мужа»¹⁸. По-

¹⁷ О. В. Хлевнюк. *Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы*. Москва: «Россия молодая», 1993, с. 23.

¹⁸ Там же, с. 53-55.

сле самоубийства Орджоникидзе в 1937 г., жена Ломинадзе, имя которого в качестве руководителя контрреволюционной группы фигурировало в протоколах дел по обвинению большинства старых грузинских большевиков, была арестована.

Нам пришлось вкратце привести историю Ломинадзе, так как именно в связях с ним, как мы уже отмечали, будет обвиняться большое количество грузинских коммунистов, осужденных особой тройкой в 1937-1938 гг.

Наряду с этим, его дело является наглядным примером становившегося все более и более открытым конфликта Сталина с Орджоникидзе, завершившегося, как нам известно, самоубийством последнего и уничтожением его клана старых большевиков в 1937-1938 гг.

Последний этап растущей неприязни Сталина к Орджоникидзе и протезируемым им старым грузинским коммунистам значительно обострился во второй половине года, после выхода в свет в октябре 1936 г. к 50-летию рождения последнего книги, «Серго Орджоникидзе. Биографический очерк», написанной бывшим первым секретарем Заккрайкома и одним из наиболее близких соратников Орджоникидзе М. Орахелашвили, работавшим, после своего удаления из Закавказья, на должности заместителя директора института Маркса, Энгельса, Ленина. Эта книга, резко диссонировала с другими «трудами», выпущенным по теме истории большевистской партии во второй половине 30-х гг., согласно которым, главную роль в истории становления большевистских организаций в Закавказье играл Сталин и только Сталин. По справедливому замечанию О. В. Хлевнюка, книга Орахелашвили «представляла собой типичное произведение старого члена партии, который хорошо знал ее историю, и порой откровенным фальсификациям предпочитал умолчание»¹⁹. В особенности контрастировала книга Орахелашвили с вышедшей в 1935 г. в Тбилиси книгой Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», в которой был окончательно сформирован миф о Сталине, как главном руководителе закавказских большевиков. Книга Орахелашвили, с ее двусмысленным содержанием, вызвала крайне резкую реакцию Сталина, так как бросала вызов его курсу утверждения своей единоличной власти.

Оно показало, что «Сталина тяготит поколение старых большевиков, не желающих забывать о реальной истории партии и признающих Сталина первым среди равных. Желание избавиться от них было еще одним основанием для организации массовой чистки»²⁰.

В связи с этим, следует отметить, что еще в мае того же 1935 г., Сталиным было распущено существовавшее в Москве «Общество старых большевиков»,

¹⁹ Там же, с. 81.

²⁰ Там же, с. 82.

одной из главных целей которого было публикация трудов и воспоминаний по истории большевистской партии. По справедливому замечанию А. Орлова, «разумеется, в этих работах, которые были изданы по большей части ещё при Ленине, имя Сталина почти не упоминалось. В то же время целые главы посвящались деятельности других выдающихся большевиков. Одного этого было достаточно, чтобы Сталин возненавидел ветеранов большевизма. Их труды являлись бы вечным опровержением тех выдуманных сталинских биографий, которые он счёл необходимым заказать, дорвавшись до единоличной власти»²¹.

Непосредственной реакцией Сталина на выход книги Орахелашвили следует считать арест в Грузии по его приказу брата Серго Орджоникидзе, – Папулии. Несмотря на попытки Серго помочь брату, в частности вызвать Папулию для допросов в Москву, Сталин категорически отказался сделать это²². Понимая, что кольцо вокруг него и его людей сужается, Орджоникидзе покончил собой в феврале 1937 г., когда маховик большого террора стал набирать стремительные обороты.

2. Особая тройка НКВД ГССР в действии. Большой террор в Грузии в 1937-1938 гг.

Стартовой точкой большого террора в Грузии следует считать печально известный февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. Руководством для запуска вала репрессий стали слова Сталина, произнесенные им 3 марта, во время своего доклада. По словам генсека, деятельность троцкистских вредителей, шпионов и диверсантов, «задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные, и партийные.

[...] Агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты»²³.

Желая оправдать повальные репрессии, которые в скором времени захлестнут страну, Сталин утверждал, что убийство Кирова говорит о том, что «враги народа будут двурушничать и, двурушничая, маскироваться под большевика, под партийца для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации»²⁴.

Говоря иными словами, никакое положение, никакая государственная должность, сама по себе не может являться гарантией того, что занимавшее ее лицо не является тайным шпионом, вредителем или диверсантом.

21 А. Orlov. *The Secret History of Stalin's Crimes*. New York: Random House, 1953, p. 32.

22 О. В. Хлевнюк. *Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы*, с. 79.

23 *Дубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937-1938. Документы*. Составители: В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. Россия XX век, документы, Москва, 2004, с. 95.

24 *Там же*, с. 96.

Еще в январе 1937 г. всесоюзным НКВД и генеральной прокуратурой под руководством Ежова и Вышинского было подготовлено обвинительное заключение по делу Ю. Л. Пятакова, Г. Я Сокольников, К. Б. Радека и других, направленное на утверждение Сталину. Согласно сфальсифицированным материалам этого «следствия», наряду с объединенным троцкистско-зиновьевским центром, «существовал так называемый запасный центр, созданный по прямой директиве Л. Д. Троцкого на тот случай, если преступная деятельность троцкистско-зиновьевского блока будет разоблачена органами советской власти»²⁵.

Судя по всему, непосредственно по личной инициативе Сталина следователями НКВД были внесены в протоколы допросов и в «собственноручные показания» обвиняемых пассажи о том, что «запасной центр» обладал, наряду с прочим, филиалом в Закавказье, руководителем которого был Б. Мдивани. В частности, в «собственноручных показаниях» Пятакова на имя Ежова от 19-20 декабря 1936 г. сообщалось, что во время мнимой встречи, будто бы состоявшейся у Пятакова с Троцким в декабре 1935 г. в Норвегии, последний сообщил Пятакову о том, что, как ему известно, Мдивани «развернул работу в Закавказье»²⁶.

Более «конкретные данные» фигурируют в протоколе допроса Серебрякова от 17 декабря того же года. Согласно им, еще в 1933 г. Пятаков поручил Серебрякову взять на себя «связь и общее руководство закавказской организацией троцкистов, которую возглавлял Буду Мдивани». Кроме этого, в начале зимы 1935/36 гг., Серебряков поручил Мдивани создать «из числа закавказской троцкистской молодежи террористическую группу», которая выедет в Москву для совершения теракта против секретаря ЦК Н. Ежова²⁷.

Эти размноженные на ротаторе фальшивые «документы» были тут же пересланы в Тбилиси, где должны были служить основой для того, чтобы вырвать у уже арестованного Мдивани его собственные признания, оговаривающие абсолютное большинство старых большевиков.

О том, как на первых порах продвигалось «следствие» в Грузии, можно судить по справке, подготовленной 14 мая 1937 г. комиссаром внутренних дел Грузинской ССР С. Гоглидзе на имя Берия. Согласно ей, к этому времени следователям НКВД с помощью самых изощренных пыток удалось вырвать у Мдивани показания о принадлежности к якобы существующей в Грузии мифической «глубоко законспирированной контрреволюционной террори-

²⁵ Там же, с. 9.

²⁶ Дело по обвинению Б. Г. Мдивани. Архив министерства внутренних дел Грузии (АМВДГ). Фонд № 6, архивное дело № 29986, т. II, л. 993.

²⁷ Там же, л. 1001.

стическо-вредительской организации правых», включавшей в своей состав тех членов правительства Грузинской ССР, единственная вина которых состояла в том, что они поддерживали отношения с впавшими в немилость у Сталина старыми грузинскими большевиками. В результате «признаний» Мдивани были арестованы Георгий Курулов, – комиссар местной промышленности, Шалва Матикашвили – председатель Госплана и Тенгиз Жгенти, – секретарь ЦИК Грузии²⁸.

О том, как велось следствие в отношении арестованных и какие именно выбивались из них показания, частично свидетельствуют данные, собранные в 1955 г. в рамках комиссии по реабилитации этих людей, незаконно пострадавших в ходе массовых репрессий 1937-1938 гг.

Например, вина Жгенти заключалась в том, что «он находился в близких отношениях» с бывшими первыми секретарями ЦК компартии Грузии, уже упомянутыми нами М. Горошелидзе и С. Мамулиа, а также старым большевиком Ф. Махарадзе. Формальным предлогом для начала партийного расследования против Жгенти являлось обвинение последнего в попытке защититься от ареста одного из своих сотрудников, обвиняемого в коррупции. Не имея никаких оснований для ареста Жгенти, партийное расследование его дела продолжалось с ноября 1936 по 21 мая 1937 г. С ранней весны 1937 г. Жгенти допрашивался уже по обвинению «в контрреволюционной деятельности» и подготовке теракта против Л. Берия.

Параллельно с этим, в республике полным ходом шла травля Жгенти и других обвиняемых. Так, 15 мая, на пленуме ЦК компартии Грузии, Берия объявил, что Курулов, Жгенти и Матикашвили «смыкались» с членами контрреволюционной организации правых и являлись их пособниками.

По свидетельству очевидцев тех событий, впоследствии допрошенных по поводу дела Жгенти в 1956 г., Берия назвал его «не своим человеком» и «стремился снять его с должности секретаря ЦИК ГССР», как сторонника С. Орджоникидзе и Ф. Махарадзе²⁹.

В результате травли, 25 мая отчаявшийся Жгенти покончил с собой выстрелом из револьвера. Хорошо понимая, каким образом добывались у других арестованных показания против него, и пытаясь взывать к совести своих мучителей, Жгенти оставил предсмертную записку на имя Берия, в которой, прося позаботиться о его семье, писал, что ему не следовало обращать «такое

²⁸ *Записка народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР С. Гоглидзе секретарю ЦК КП(б) Грузии Л. Берия от 14. 5. 1937., О контрреволюционной работе членов ВКП(б) – Курулова Г. Д., Жгенти Т. Г. и Матикашвили Ш. С.* АМВДГ. Фонд восстановленных документов.

²⁹ М. Скопцов (заместитель военного прокурора ЗАКВО по спецделам). *Постановление о прекращении уголовного дела Т. Г. Жгенти.* Тбилиси, 15. 3. 1956. Там же.

внимание» на показания, выбитые палкой из арестованных: – «Разве они сами, когда-нибудь, не скажут, что солгали?»³⁰.

Небезынтересно отметить, что после самоубийства Жгенти сотрудники НКВД не забыли «позаботиться» и о его семье. В частности, были арестованы его жена, сын и дочь. Не забыли и о близких Жгенти. Например, достаточно было некоему Д. Хинтибидзе, выразить соболезнование сыну Жгенти по поводу смерти его отца, как он тут же был арестован НКВД ГССР. В результате пыток и истязаний от Хинтибидзе были получены «показания» о том, что сын Жгенти готовил теракт против Берия, мстя за своего отца.

25 мая, на следующий день после самоубийства Жгенти, были арестованы Матикашвили и Курулов, обвиненные, так же как и Жгенти, «в связях и пособничестве с членами контрреволюционной организации Мамулия, Торшелидзе, Джикия и другими»³¹.

Следует отметить, что все эти преступления совершались не только с ведома, но и по прямому приказу Сталина, который, несомненно, был в полном курсе творящихся в Грузии преступлений. Как впоследствии свидетельствовал бывший нарком внутренних дел Грузинской ССР С. Гоглидзе, «Берия был подробно информирован по каждому делу, относящемуся к сколько-нибудь ответственным работникам»³². На этом, конечно, нить не обрывалась, и сам Берия регулярно докладывал Сталину о ходе репрессий в Грузии. Как правило к справкам, сообщающим генсеку о новых «показаниях» арестованных, в качестве дополнительного материала прилагались соответствующие протоколы допросов или выписки из них.

Берия был обязан обращаться лично к Сталину и по поводу получения разрешения на арест работающих в центре советских функционеров грузинского происхождения, занимающих хоть сколько-нибудь ответственные посты. Например, 29 апреля Берия просил Сталина разрешить арест Виссариона Чичинадзе, начальника Главгидропроекта наркомата тяжелой промышленности (бывшего наркомата С. Орджоникидзе), оговоренного арестованными в Грузии³³.

Уже 31 мая Сталину была послан первый т.н. расстрельный («сталинский») список, содержащий фамилии 139 человек предлагаемых к расстрелу (первая

³⁰ В. Гурули, О. Тушурашвили. Переписка Лаврентия Берия и Иосифом Сталиным (1937 г.). *Приложение к «Архивному вестнику»* № 3, 2008, Тбилиси, 2008, с. 52.

³¹ *Записка народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР С. Гоглидзе секретарю ЦК КП(б) Грузии Л. Берия от 14. 5. 1937., О контрреволюционной работе членов ВКП(б) – Курулова Г. Д., Жгенти Т. Г. и Матикашвили Ш. С.*

³² А. Сухомлинов. *Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела.* Москва: Детектив-Пресс, 2004, с. 169.

³³ *Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937-1938. Документы*, с. 160.

категория), и 35 – к длительным срокам тюремного заключения (вторая категория)³⁴.

Судя по всему, Сталин был недоволен медленным темпом проведения репрессий и процесса раскрытия «заговора врагов» в Грузии.

По свидетельству Гоглидзе, весной 1937 г. Берия был вызван в Москву, возвратившись откуда, предложил ему «вызвать в ЦК КП(б) Грузии на совещание всех начальников районных, городских отделов НКВД и наркомов автономных республик. Когда все прибыли, Берия собрал нас в здании ЦК и выступил перед собравшимися с докладом. В своем докладе Берия отметил, что органы НКВД Грузии плохо ведут борьбу с врагами, медленно ведут следствие, враги народа разгуливают по улицам. Тогда же Берия заявил, что если арестованные не дают нужных показаний, их нужно бить. После этого в НКВД Грузии начались массовые избиения арестованных. Избивали арестованных, кто как хотел. Появились показания в протоколах на большие группы людей и увеличились аресты лиц, упоминающихся в протоколах арестованных, что привело к фальсификации дел и извращению действительности...»³⁵.

Очевидно, Сталин не был доволен «либерализмом», проявляемым Берия в отношении некоторых групп арестованных. Например, в отношении Жгенти и его коллег, дела которых вплоть до самоубийства Жгенти разбирались на бюро ЦК, а не в кабинете следователя во внутренней тюрьме НКВД Грузии. Судя по всему, именно самоубийство Жгенти вызвало чрезвычайно отрицательную реакцию Сталина, в результате чего Берия и был вызван в Москву для объяснений. Тот факт, что сразу же после самоубийства Жгенти были арестованы все другие члены его «контрреволюционной группы», как будто также подтверждает эту точку зрения.

Во всяком случае, уже с конца апреля НКВД ГССР удалось выбить у арестованных компромат на Мамия Орахелашвили и Шалва Элиава, бывшего секретаря Заккрайкома и председателя СНК Грузии³⁶. 17-19 мая, после пленума ЦК компартии Грузии, ЦК ВКП(б) приняло решение об исключении Элиава и Орахелашвили из партии, после чего они были арестованы и этапированы в Тбилиси³⁷.

Несомненно, именно вследствие давления Сталина, число людей подлежащих расстрелу в Грузии было резко увеличено. Если первый расстрельный список, представленный Берия Сталину 31 мая, включал в себя 139 человек, 20 июля, в направленной Сталину специальной записке, Берия, сообщая Стали-

³⁴ Л. Наумов. *Сталин и НКВД*. Москва: Новый хронограф, 2010, с. 238.

³⁵ *Берия: конец карьеры*. Москва: Издательство политической литературы, 1991, с. 314.

³⁶ *Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937-1938. Документы*, с. 160.

³⁷ *Там же*, с. 165-166.

ну о ходе репрессий в Грузии, подчеркивает: «Антисоветские и к.-р. элементы по Грузии будут основательно изъяты. Уже расстреляно около 200 человек. Недавно через НКВД Грузии тов. Ежову на санкцию направлены материалы еще на 350 человек, подлежащих расстрелу.

Считаю, что придется расстрелять не менее 1000 человек, из числа к.р. правых, троцкистов, шпионов, диверсантов, вредителей и проч. В это число не входят бывшие кулаки и уголовники, вернувшиеся из ссылки и подлежащие расстрелу в административном порядке через тройку, созданную при НКВД Грузии в согласии с решением ЦК ВКП(б)»³⁸.

Таким образом, первоначально старых большевиков и других функционеров, связанных с ними родственными или какими либо другими узами, предлагалось судить выездной сессией военной коллегии верховного суда СССР, т.е. органом подотчетным Москве, а не Тбилиси.

Что касается тройки, уже созданной к этому времени, ей, судя по приказу Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г., предстояло рассматривать в основном дела бывших кулаков, бывших членов антибольшевистских партий и уголовных элементов. С этой целью с 5 августа и в течение четырехмесячного срока во всех республиках, краях и областях СССР органы НКВД должны были провести операцию по аресту вышеуказанных групп населения. В функции самих троек, организованных в республиках, краях и областях, и включавших в себя комиссара внутренних дел (председатель), его заместителя, а также республиканского, краевого или областного прокурора, входило вынесение приговора арестованным, которые, согласно этому бесчеловечному приказу, разбивались на две категории. К первой, подлежащей расстрелу категории, относились «все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов»³⁹. Вторая, включала в себя «все остальные менее активные, но все же враждебные элементы»⁴⁰, подлежавшие осуждению и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, «а наиболее злостные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки»⁴¹. С палаческой точностью были выработаны и квоты подлежащих уничтожению людей. Так, в Грузинской ССР, предлагалось расстрелять по первой категории 2000 человек, и приговорить к длительным срокам заключения по второй – 3000⁴².

До конца октября 1937 г., особая тройка НКВД Грузии занималась в основном репрессией категорий населения предписанных ей в указе № 00447.

³⁸ Там же, с. 255.

³⁹ Там же, с. 274.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 275.

К этому времени тройкой было осуждено 5 236 человек. Приговоры по делам старых большевиков выносились выездной сессией военной коллегии верховного суда СССР. Так, к концу октября военной коллегией верховного суда в Грузии было осуждено 910 человек⁴³.

К этому времени, однако, Берия стало ясно, что подобная система более не в состоянии обеспечить требуемое Сталиным функционирование механизма машины столь беспрецедентно массовых репрессий. Дело в том, что выездная сессия военной коллегии была настолько перегружена рассмотрением дел в других республиках СССР, что просто не успевала рассматривать дела в Грузии, где, судя по данным источников, процент арестованных старых большевиков, подлежащих ликвидации по прямому указу Сталина, был в несколько раз больше чем в других советских республиках. В результате этого, к концу октября в тюрьмах НКВД Грузии содержалось свыше пяти тысяч арестованных, что лишало карательные органы возможности проводить новые массовые аресты. Опасаясь, что задержка в кампании репрессии может вызвать новое недовольство Сталина, 30 октября Берия обратился к генсеку с запиской, прося изъять контингент арестованных в Грузии старых большевиков и связанных с ними лиц из компетенции выездной сессии военной коллегии верховного суда СССР, с передачей «на рассмотрение специальной тройки, созданной в соответствии с директивой ЦК ВКП(б) дела на участников вскрытых НКВД СССР:

1. Троцкистской террористической диверсионно-шпионской организации.
2. Террористической диверсионно-шпионской организации правых»⁴⁴.

По свидетельству Гоглидзе, Берия удалось получить согласие Сталина на его просьбу, в результате чего дела на участников упомянутых «террористических организаций» перешли в полное ведение особой тройки НКВД Грузии⁴⁵.

О том, как проходило рассмотрение дел на особой тройке, рассказал в январе 1957 г. Илларион Талахадзе, прокурор республики, входивший в состав особой тройки в течение всего времени ее функционирования. Хотя в его свидетельствах, по понятным причинам явно прослеживаются тенденции к самооправданию, сообщаемые им детали дают нам наглядный пример беспрецедентно преступного характера как самой тройки, так и сталинского и советского «правосудия» и режима в целом.

Согласно инструкции, полученной Гоглидзе из всесоюзного НКВД и прокуратуры, прокуратура республики обязана была выдавать санкции на арест обвиняемых без проверки материалов предварительного следствия, — на ос-

⁴³ Там же, с. 415.

⁴⁴ Там же, с. 415-416.

⁴⁵ Берия: конец карьеры, с. 316.

нове санкции партийных органов. В частности, санкции на арест членов ЦК выдавались бюро ЦК КП(б) Грузии. Эти распоряжения противоречили даже конституции СССР.

Состав особой тройки Грузинский ССР, с незначительными модификациями менялся два раза. Так, во время первых заседаний, председателем тройки являлся заместитель комиссара внутренних дел Грузии А. Рапава. Членами; – также заместитель комиссара внутренних дел Ш. Церетели и прокурор республики И. Талахадзе. Затем, должность председателя тройки занял С. Гоглидзе, который оставался председателем этого карательного органа около года. Со второй половины 1938 г., когда волна репрессий несколько снизилась, председателем тройки стал первый секретарь ЦК компартии Грузии К. Чарквиани. Членами; – Гоглидзе и Талахадзе.

Руководящее положение на заседаниях тройки занимал председатель. Заседания тройки происходили, как правило, в кабинете Гоглидзе поздней ночью (от 12 часов ночи до 3-4 часов утра) и длились, соответственно, 3-4 часа. На каждом из заседаний докладывалось около 100-150 дел. Докладчиками, как правило, были Гоглидзе, Рапава, Кобулов и другие начальники отделов. Районные дела докладывались начальниками районных отделов, а дела в автономных областях и республиках, – начальниками НКВД Абхазии, Южной Осетии и Аджарии.

Доклад обычно продолжался всего 2-3 минуты. Докладчик зачитывал имя, отчество, фамилию обвиняемого, в чем он обвиняется, с кем был связан и в качестве кого. В частности, указывалось, был ли обвиняемый руководителем, членом мифической «контрреволюционной организации», или просто являлся осведомленным о ее существовании, не участвуя лично в заговоре (недопущение о существовании «контрреволюционной организации», каралось как участие в ней). Сообщалось также, сколькими и чьими показаниями изобличается обвиняемый, сознается ли он в совершенных преступлениях, или нет. По окончании доклада, члены тройки имели право на дополнительные вопросы, после чего судьба арестованного решалась простым большинством голосов.

Так как прокуратура была совершенно отстранена от следствия (арестованные допрашивались без присутствия прокурора), оно полностью находилось в руках сотрудников НКВД, что, со своей стороны, катастрофически увеличивало число злоупотреблений. По свидетельству Талахадзе, иногда пытавшегося заглянуть в дела обвиняемых во время заседания тройки, главным образом, когда дело шло о судьбе его коллег и знакомых, в ряде дел он обнаружил на-

⁴⁶ Показание И. И. Талахадзе о работе в прокуратуре и тройке НКВД за 1937-1938 годы. 8. 1. 1957. АМВДГ. Фонд восстановленных документов.

⁴⁷ Там же.

рушение следствия и «несоответствие доклада содержанию дела, главным образом, в части признания обвиняемых»⁴⁶. Пытаясь оправдать себя и, при этом, взвалить всю ответственность на к тому времени уже расстрелянных Гоглидзе, Рапава и Церетели, Талахадзе писал, что «по существу» он был «главной причиной» передачи из тройки в верховный суд и трибунал на доследование многих дел, что позволило спасти жизни арестованных. «Гоглидзе и Церетели очень неохотно соглашались на такую передачу», – подчеркивал в связи с этим Талахадзе⁴⁷.

Эти утверждения, впрочем, с легкостью опровергаются показаниями А. Морозова, с декабря 1936 г. работающего начальником первого спецотдела НКВД Грузии, а в 1937-1938 гг. исполняющего также обязанности секретаря особой тройки, в функции которого входило составление протоколов. Отвечая на вопрос, были ли случаи, когда члены тройки не соглашались с предложением председателя этого органа, Морозов заявил, что насколько он помнит, «таких случаев, когда бы члены тройки вносили свои соображения, вообще не было»⁴⁸. Таким образом, Талахадзе лишь штамповал резолюции, выносимые сотрудниками НКВД.

Со своей стороны, сам механизм функционирования тройки оказывал прямое влияние и на следствие. Для того чтобы выполнить план по уничтожению и ссылке ни в чем не повинных людей, в НКВД Грузии был введен фиксированный лимит для оперативных работников: – ежедневно заканчивать по десять дел для передачи на тройку⁴⁹.

С целью выполнить этот план следователи НКВД, зачастую падая с ног от усталости, прибегали к пыткам, – единственно возможному способу выколачивания из своих жертв нужного количества признаний и оговоров. Как впоследствии свидетельствовал по этому поводу Гоглидзе, «избивали арестованных, кто как хотел»⁵⁰.

Небезынтересно отметить, что жестокость следователей, как правило, была обусловлена их страхом и за свою собственную жизнь. В случае нерадивого исполнения своих обязанностей, им грозила вполне реальная опасность самим занять место арестованных. Наиболее ярким примером этого является случай с Султанишвили, начальником секретно-политического отдела НКВД, который, в частности, вел дело Б. Мдивани, судя по всему, истязая и пытая своего подследственного. Видимо оказавшись не на уровне новых палаческих требований и стандартов, Султанишвили был арестован и в 1938 г. расстрелян.

⁴⁸ *Протокол допроса свидетеля А. Н. Морозова*. Тбилиси, 21. 1. 1954. АМВДГ. Фонд восстановленных документов.

⁴⁹ А. Сухомлинов. *Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела*, с. 269.

⁵⁰ *Берия: конец карьеры*, с. 314.

Как впоследствии свидетельствовал бывший министр внутренних дел Грузии Г. Каранадзе, «Султанишвили перед расстрелом говорил, что он ни в чем не виноват, и что его вынуждали дать мифические показания под жестокими пытками»⁵¹. Небезынтересно отметить, что в 1937 г. на место Султанишвили был назначен Богдан Кобулов, из отдела которого, по свидетельству Талахадзе, поступало больше всего дел на рассмотрение тройки.

После передачи дел старых большевиков на рассмотрение тройки, пытки в отношении них стали обычным явлением. Например, в процессе следствия, к М. Торопелидзе, С. Мамулия, В. Джикия и Ш. Матикашвили применялись пытки и издевательства, с целью добиться от них оговора в несовершеннолетних преступлениях. Самсону Мамулия, бывшему первому секретарю ЦК компартии Грузии, еще в 1931 г. заслужившему особую нелюбовь Сталина, в ходе пыток был выбит глаз и, по словам свидетелей, «после пыток он находился в состоянии психической неполноценности»⁵².

Жестоким пыткам подвергся Мамия Орахелашвили, арестованный, как мы уже отмечали, во второй половине мая 1937 г. и расстрелянный по приговору особой тройки НКВД Грузинской ССР от 3 декабря того же года⁵³.

Не пощадили и жену М. Орахелашвили Марию Орахелашвили, арестованную 2 августа 1937 г. по обвинению в том, что «она является активной участницей контрреволюционной террористической организации правых»⁵⁴. Основной акцент при пытках М. Орахелашвили, был сделан на выбивании «признаний» о причастности С. Орджоникидзе (к тому времени уже покойного) и его окружения к борьбе против коммунистического руководства Грузии, во главе с Берия. Так, в «собственноручном заявлении» М. Орахелашвили, составленном следователями НКВД, отмечалось: «надо сказать, мы подвели Серго и использовали его доброту ему во вред, сделали его объективно центром вот этих антипартийных настроений по отношению к руководству Закавказья и Грузии»⁵⁵. Подобными же фальсификациями пестрят и протоколы допросов других старых большевиков, приобщенных к делу.

⁵¹ *Собственноручные показания Г. Каранадзе министру внутренних дел Союза ССР генерал-полковнику С. Круглову*. 22. 7. 1953. АМВДГ. Фонд восстановленных документов.

⁵² М. Скопцов (заместитель военного прокурора ЗАКВО по спецделам). *Постановление о прекращении уголовного дела Т. Г. Жгенти*. Тбилиси, 15. 3. 1956.

⁵³ *Определение верховного суда Союза ССР относительно заключения главного военного прокурора на постановление особой тройки НКВД Грузинской ССР от 3. 12. 1937., относительно осуждения к расстрелу М. Д. Орахелашвили*. АМВДГ. Фонд восстановленных документов.

⁵⁴ Громов (военный следователь по особо важным делам главной военной прокуратуры). *Протокол осмотра архивно-следственного дела № 969535 по обвинению М. П. Орахелашвили*. Москва, 3. 7. 1955. Там же.

⁵⁵ Там же.

О том, каким образом добывались все эти признания, сообщила Васина, сокамерница М. Орахелашвили: «Я очнулась, придя в сознание в камере, и увидела Марию Орахелашвили, не похожую на прежнюю Марию. Она была изуродована до неузнаваемости. Однажды, в середине декабря 1937 года, Марию Орахелашвили вызвали на допрос, а через некоторое время ее привезли в камеру на носилках. Она была в таком состоянии, что притронуться к ее телу было нельзя. Она была вся избита, руки у нее были вывернуты, ребра переломаны, и она даже не могла оправиться и нуждалась в нашей помощи, она кричала от боли на всю камеру»⁵⁶.

Не меньшим пыткам и издевательствам подвергся и другой старый большевик, – Михаил Кахиани, – как мы уже писали, снятый в 1931 г. по приказу Сталина с поста секретаря ЦК Заккрайкома. Арестованный в августе 1937 г. Кахиани был вынужден под пытками дать показания о том, что «правые» в Грузии, под руководством М. Орахелашвили и Ш. Элиава, готовили теракт против Берия, а сам Кахиани, с 1935 г. входил в «контрреволюционную организацию правых», занимаясь антибольшевистской деятельностью вплоть до своего ареста.

3 декабря 1937 г. тройка вынесла постановление о расстреле Кахиани⁵⁷.

Анализ источников, в частности «сталинских списков», посланных из Грузии в Москву в 1937-1938 гг., позволяет нам утверждать, что наряду с самими старыми большевиками и членами их семей, органы НКВД как правило репрессировали их близких и дальних родственников, назначенцев, получивших благодаря им какие-либо посты в государственном или партийном аппарате, а также просто друзей и знакомых, занимающих определенное положение в обществе. Несомненно, именно этим и объясняется тот факт, что всего по «сталинским спискам» в Грузии было репрессировано 3 486 человек по первой и 185 по второй категории. «По количеству расстрелянных по сталинским спискам Грузинская ССР занимает третье место после Москвы и Украинской ССР»⁵⁸. По проценту же репрессированного населения, – первое место среди всех республик СССР⁵⁹.

Несомненно, Сталин, лично знавший почти всех старых грузинских большевиков, от которых желал избавиться как от нежелательных свидетелей своего подлинного революционного прошлого в Закавказье, лично дал приказ Берия уничтожить наряду с ними всех близких им людей. Превосходно пони-

⁵⁶ А. Сухомлинов. *Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела*, с. 274.

⁵⁷ Пограницкий (военный прокурор главной военной прокуратуры СССР). *Протокол осмотра архивно-следственного дела № 9884 НКВД Грузинский ССР по обвинению М. И. Кахиани*. Москва, 16. 7. 1955. АМВДГ. Фонд восстановленных документов.

⁵⁸ Л. Наумов. *Сталин и НКВД*, с. 238.

⁵⁹ Там же, с. 238-239.

мая грузинский менталитет, Сталин знал, что расстрел представителей старой большевистской гвардии не забудут ему их близкие и дальние родственники, также как и друзья.

Таким образом, главную ответственность за чрезвычайно высокий уровень репрессий в Грузии в 1937-1938 гг. несомненно, несет не Берия, а лично Сталин, самым тщательным образом отслеживающий события в этой республике и, по уже упомянутым нами причинам, контролирующий в деталях компанию «большой чистки». Более чем вероятно, что именно на основе прямых указаний Сталина были разработаны и конкретные квоты репресслируемых людей в Грузии⁶⁰.

Вопреки мнению представителей «ревизионистской» исторической школы, пример Грузии еще раз свидетельствует о том, до какой степени волны массового террора направлялись из центра. Специфика «большого террора» в Грузии обусловлена особенностью взаимоотношений Сталина с этой республикой и Закавказьем в целом.

Др. Георгий Мамулиа – политолог, историк, доктор Высшей школы исследований общественных наук (Париж, Франция), специалист по истории кавказской эмиграции межвоенного периода.

⁶⁰ Наиболее подробным и полным образом сложнейшая тема взаимоотношений Берия со Сталиным исследована в книге: F. Thom. Beria: *Le Janus du Kremlin*. Paris: Cerf, 2013.

Specjalna *trojka* NKWD Gruzjińskiej SSR (1937-1938). Specyfika lokalna i mechanizm funkcjonowania

Giorgi Mamulia

Artykuł przedstawia realizację Wielkiego Terroru w Gruzji przez specjalną *trojkę* NKWD Gruzjińskiej Republiki Radzieckiej w latach 1937-1938 z uwzględnieniem przyczyn, które doprowadziły do niego oraz roli Józefa Stalina i Ławrentija Berii w tych wydarzeniach. Realizacja Wielkiego Terroru w Gruzji, jak w innych republikach radzieckich w latach 1930., była bezpośrednią konsekwencją dążenia Stalina do ustanowienia swej jednosobowej władzy na Kremlu po śmierci Lenina.

Autor przedstawia specyfikę „wielkiej czystki” w Gruzji, która wynikała ze szczególnego charakteru stosunków Stalina z bolszewicką elitą Gruzji i Zakaukazia w całości. Poddając szczegółowej analizie działalność specjalnej *trojki* gruzjińskiego NKWD, artykuł ukazuje pełne uzależnienie realizacji masowego terroru w Gruzji od decyzji centrum w Moskwie.

Special NKVD “Trojka” in the Georgian SSR (1937-1938) – Local Specificity and Mechanism of Functioning

Giorgi Mamulia

The article presents the realisation of the Great Terror in Georgia by the special NKVD “trojka” of the Georgian Soviet Socialist Republic in the years 1937-1938, taking into account the causes which brought it about, as well as the roles of Josef Stalin and Laurent Beria in these events. The carrying out of the Great Terror in Georgia, like in other Soviet republics in the 1930s, was a direct result of Stalin’s efforts to establish his own one-man rule in the Kremlin following the death of Lenin.

The author presents the specificity of the Great Purge in Georgia, which resulted from the particular nature of Stalin’s relations with the Bolshevik elite in Georgia, and Transcaucasia as a whole. Analysing in detail the activity of the special “trojka” of the Georgia NKVD, the article shows that the realisation of mass terror in Georgia was fully dependent on decisions from Moscow.

